

З.В.АХМЕДОВ*e-mail: zaurbaku@gmail.com*

DOI:10.48652/m4672-4566-3074-I

Берлин – Хемингуэй и Ремарк

(г. Баку, ул. Дж.Джаббарлы, 609)

**СПЕЦИФИКА ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ
К ТЕМЕ «ПОТЕРЯННОГО ПОКОЛЕНИЯ»
В ТВОРЧЕСТВЕ Э.ХЕМИНГУЭЯ И Э.РЕМАРКА**

Ключевые слова: “потерянное поколение”, “патриотизм”, “пацифизм”, война, потеря корней, реализм, экзистенциализм

Açar sözlər: “itirilmiş nəsil”, “vətənpərvərlik”, “pasifizm”, müharibə, kök itkisi, realizm, ekzistensializm

Key words: “lost generation”, “patriotism”, “pacifism”, war, loss of roots, realism, existentialism

Несмотря на то, что годы неумолимо отдаляют нас от событий Отечественной войны 1941-45 годов и тем более I Мировой, многие современные учёные и рядовые читатели справедливо полагают, что нельзя вычеркивать из памяти подвиги тех, кто отдал свои жизни за счастливое будущее нынешнего поколения. Память – категория особая. Эта категория, выражаясь юридическим языком, функционирует без срока давности. Причём, она является не только предметом мировидения писателей и объектом научного исследования, но и наполнена психологическим содержанием.

Большинство современных филологов, историков и философов убеждено: ни с чем несравнимое мировое зло – это потеря исторической памяти. Конечно, в первую очередь об этом громогласно заявляли русские советские писатели (К.Симонов, И.Эренбург, Ф.Булгаков и многие другие). Ведь, объективно рассуждая, главная тяжесть двух войн ложилась на плечи представителей их национальности. Вместе с тем даже если метроном времени отсчитывает столетие и более, то, о чём Хемингуэй и Ремарк и другие прогрессивно мыслящие европейские художники писали в конце 1920-х – начале 1930-х годов, явилось «камнем в стену» фашистского режима. Что же касается войны 1941-45 годов, то ещё не ушло полностью из жизни поколение участников той великой битвы, но память о ней, к сожалению, начала уже деформироваться. И уже наши внуки, правнуки нередко задаются вопросом: а за что воевали, зачем воевали, нужно ли вообще было воевать?». К исторической памяти нас, то есть современных читателей, и возвращают великие творения о двух крупнейших мировых катаклизмах XX столетия.

Однако в лице американского и немецкого писателей тема памяти получила специфическое отражение. Русская романистика практически была незнакома с темой «Потерянного поколения», тогда как в Штатах и Европе она без преувеличения оказалась главенствующей. Причём, в решении этой проблемы Э.Хемингуэй и Э.Ремарк были убеждены: перо военного писателя должно быть жёстким, позиция патриота и пацифиста в одном лице – принципиальной. Как честные и беспристрастные художники, они призваны применять на практике всевозможные средства, чтобы показать суровые будни I Мировой войны. И среди западноевропейских писателей, отразивших великую поступь той далёкой войны, они занимают особое место и пользуются определённой популярностью в современной филологической науке.

Военная проза Эрнеста Хемингуэя оказалась несколько информативнее по сравнению с творчеством Э. Ремарка по причине выраженных журналистских наклонностей

первого. Американский писатель в молодости был известным корреспондентом ведущего и весьма популярного в своё время органа штата Миссури, ежедневной вечерней газеты «Kansascity-star». Кроме того, у него в аспекте количества публицистических выступлений, разбросанных по разным годам и периодам, более «богатая» биография. Он принимал самое деятельное участие ещё в Первой Мировой войне. Но начинал он, как выясняется, ещё раньше, и в планы совсем юного писателя входила иная тематика: бытовая, историческая, социально-политическая, интернациональная.

Прежде чем подступиться к разработке темы «Потерянного поколения», ставшей краеугольным камнем всего его наследия, Хемингуэй чётко развёл по обе стороны героически сражающихся, трезво мыслящих фронтовиков и лже-патриотов. Последние вообще не избежали сатирических нападков. Так, первый этап публицистической деятельности (1918-1922) ознаменован выступлениями, наполненными откровенным сарказмом. Но уже в ранней сатире ощущалось будущее отчаяние тех, кто много разглагольствовал о победе национального оружия, но сам, как утверждал Хемингуэй, «отсиживался в засаде». Это были первые всполохи интересующей нас в статье темы. Такова заметка от 1920 года «Как прослыть ветераном войны, не понюхав пороха». Уже в самом названии кроится сатирическая нота. Автор пишет о тех итальянских парнях, которые, испугавшись войны с Германией в самом начале 1920-х годов, решили «подмазаться» к подлинным фронтовикам (по большей части получивших ранения, выписанных из госпиталя и уже не имевших возможности из-за травм принимать дальнейшее участие в войне). Хемингуэй имел полное моральное право писать о таких дезертирах, потому что сам уже в юности получил серьёзные ранения, но от участия в войне не отказался. В указанной нами статье он рассказал о некоторых приёмах, которыми пользовались молодые итальянцы, чтобы найти себе «место под солнцем» в США, как величайшей державы, в которой можно выгодно и удобно укрыться.

Однако беда заключалась в том, что «место под солнцем» большая часть итальянских и американских вояк так себе и не нашла. И мечты о «светлом будущем» тоже оказались соответственно липовыми. Вскоре таких людей американский писатель и зачисляет в разряд «потерянного поколения». Особо хочется заметить, что на сегодняшний день существует огромная критическая литература о «потерянном поколении», «пионером» которой в Штатах явился Хемингуэй. Поэтому мы не станем «перепевать» хорошо разработанные идеи. Уходя от трафарета, осложним нашу статью сравнительно-сопоставительным и типологическим анализом в романистике Э. Ремарка.

Итак, ещё до появления серии романов, Хемингуэй в своей публицистике вплотную подошёл к означенной нами теме. И она получила специфическое освещение. Существование дела заключается в том, что описанные им итальянские и а западноевропейские союзники не страдали немецко-фашистским снобизмом. Они откровенно не жаловались на горькую судьбу, не стонали, как это было свойственно многим литературным героям Ремарка. Болезненные симптомы ярче давали о себе знать именно в романах немецкого писателя.

Хемингуэю удалось показать, что представители «потерянного поколения» на его родине не были однородны по своему составу. Некоторые из описанных ими героев (реальных или прототипов) действительно морально искалеченные, физически погибшие. (Хемингуэй в буквальном переводе с английского в своих повестях и романах нередко называл их «конченными»). Такие, конечно, были потеряны для жизни. Хотя заметим, что сражённый инвалидностью Джейк Барнс и Брэт Эшли – это «обломки войны», не потерявшие тем не менее своего лица. А Кэтрин Баркли, в свою очередь, переживает драму потерянного жениха как «безвозвратное прошлое», но особо не жалуется на судьбу. Самые суровые критики меньше всего обвиняли бы автора «Фиесты» и «Прощай, оружие!» в излишней сентиментальности. Одновременно с тем один из

лучших знатоков творчества Хемингуэя – Иван Кашкин фиксирует: «В противовес некоторым нерадивым персонажам из «потерянного поколения» были и некоторые другие, которые оказались потерянными для общества не столько вследствие утраты исконных корней, близких либо из-за пьянства, сколько для буржуазного мира того времени. Они именно от него прежде всего оторвались, напрочь отказываясь признавать своим, родным, кровным» (5,8). Без комментариев ясно, что речь идёт о двух разных категориях людей, хотя и вписанных, как видим, в единую тему.

Вот почему так остро и принципиально в творчестве Хемингуэя зазвучала нота правды о войне. Американский прозаик умел хорошо разбираться в людях, и не спешит заносить над ними «Дамоклов меч». Так, в одной из своих статей он призывает не осуждать солдат из Абиссинии, которые, по его убеждению, честно сражались, но затем по воле рока бежали от притязаний Муссолини. Он называет их «беглецами по воле рока», предварительно глубоко вникнув в мотивы поведения. Мудрое решение. Писатель ограждает определённую часть населения среди беженцев от необоснованных обвинений со стороны критиков и читателей. Беда заключалась в том, что без крова оставались старики, женщины и дети. Наряду с мужчинами они также приняли на себя варварские удары фашистов, подверглись бомбардировкам. В целом ряде такого рода публикаций Хемингуэй набатом взывает к человеческой совести. Это и есть подлинная правда о войне. И здесь нет ни отголосков сентиментализма или экзистенциализма и щемящей тоски, ни жалости по отношению к самим себе. Возможно, проявилась черта Хемингуэя-художника, никогда не желавшего такими аффектами эпатировать читателей.

Известный азербайджанский критик-литературовед А. Мусаев в одной из статей писал, что в «публицистических произведениях этого европейского периода на поверхность выходит единый вопрос: «Где же подлинная правда? В чём она прежде всего состоит? Э. Хемингуэй показывает ужасы войны с подлинным мастерством. Он не видит ничего позитивного в любой войне. Однако в то же самое время как большой гуманист, американский писатель показывает и высокое достоинство человека». Далее, по мысли А. Мусаева, «война вскрыла также и моральную чистоту между людьми и доказывает, что только эта чистота остается незыблемой» (8, 4).

Продолжим мысль отечественного филолога. Это одна сторона медали. Но есть и другая. Анализируя военную публицистику и романистику Хемингуэя, нам удалось обнаружить, что под аксиоматичным юридическим и морально-художественным требованием «писать правду и только правду о войне», оказывается, кроится противоречие. В частности, выясняется, нелегко писать правду о войне. Некоторые – даже передовые художники её боялись или стыдились. Обязаны констатировать со слов Хемингуэя, что и он был не всегда последователен в этом вопросе. С одной стороны, как честный гражданин своей державы он публично заявлял, что говорить исключительно правду о войне – это его кредо. В письме И. Кашкину он прямо указывает: «В рассказах о войне я всегда старался показывать правду, то есть все её разные стороны, подходя к ней честно, неторопливо исследуя с различных точек зрения. Мы знаем, война – это большое зло, и всякий, кто это станет отрицать – лжец». С другой стороны, сам себе тут же и противоречил: «Вместе с тем очень трудно и сложно писать о войне правдиво, а временами даже и опасно» (7, 154). Небезынтересно заметить, что как истинный писатель-пацифист, Хемингуэй словно гонит от себя любые мысли о войне. В том же письме он Кашкину признаётся: «Но пока к чёрту эту самую войну. Я хочу просто писать» (7, 154). И ещё: в статье «Писатель и война», специально посвящённой «потерянному поколению», Хемингуэй вновь осторожничает: «Трудно писать о войне хорошо и правдиво. Писать же правду о войне очень опасно, как и опасно доискиваться до правды. Стоил ли рисковать, чтобы найти эту самую правду. Пусть же об этом судят другие писатели» (7, 103). Понятно, что в данном случае, говоря о потерянном поколении, Хе-

мингуэй выступал с позиций пацифизма. Причём, у него пацифизм открыто противопоставляется свободному творческому процессу.

Таким образом, тему «потерянного поколения» в творчестве Э. Хемингуэя нельзя рассматривать односторонне («пасть низко и не подняться»); она осложнена некоторыми противоречивыми высказываниями. А истина имеет вес только тогда, когда она доказуема. Об этом и пытался читателям поведать писатель, и правда о войне и соответственно судьбах представителей «потерянного поколения» заиграла разными красками.

Двумя страницами выше мы в статье также отметили, что представляет интерес рассматривать данную тему не в изолированном виде, но методом сопоставления с творчеством Э. Ремарка. Ибо материал такое сопоставление позволяет сделать. Здесь имеются как общие точки соприкосновения, так просматривается и осязаемая разница во взглядах двух художников.

Итак, по порядку. Судьба Ремарка складывалась более драматично: писать о людях, которые растеряли свои корни, в фашистской Германии было крайне небезопасно. Участие в войне, близость со смертью надолго замкнули его в круг пережитого в военные и послевоенные годы. Это заставило его предметный мир пропустить сквозь своё творческое восприятие. Это также заметно сузило круг наблюдения, но в то же время обострило силу показа. Ремарк как яростный антифашист остро, так сказать, разумом и плотью ощутил потеряность и пустоту своего поколения, может быть, мучительнее всех пережил это и выразил с наибольшей силой в лучших своих романах. У него не было той большой, длительной школы журналистики, которую прошёл Хемингуэй-публицист. Но он компенсировал это огромным личностным военным опытом.

Бросается в глаза следующая важная деталь: один из самых популярных, тиражируемых и сильных в художественном отношении роман «На западном фронте без перемен» вышел в свет в 1929 году. А события относят нас к 1918-1919-ым годам. Спрашивается: что же обеспечило ему популярность спустя столько лет? Выясняется, что десятилетие, которое отделило роман от I Мировой, отнюдь не заглушило воспоминаний о прошедших страшных событиях и не залечило войною нанесённых ран. И большинство людей, переживших катастрофу в тылу или на фронтах, не бежали от проблем. Так уж устроено сознание человека, - писал Ремарк.

На этом фоне несложно видеть то, что объединяет двух писателей. Итак, примечательной чертой всех их произведений становится абсолютная точность описываемого. Власть факта господствует здесь на всём географическом пространстве разворачивающихся событий. Во-первых, исследователи наследия Хемингуэя и Ремарка обстоятельно показали, что все данные разведки ими неоднократно постфактум перепроверялись. Во-вторых, о своих передвижениях по Штатам и городам Германии, а также за их пределами писатели стремились рассказывать с максимальной долей достоверности.

Однако, как это ни парадоксально, но именно немецкая публицистика и романистика оказались в данном случае на высоте. Правда, ей трудно было подняться до уровня пацифистского мышления Хемингуэя. Тем не менее, ГДР и ФРГ в своё время подарили миру славные имена писателей-пацифистов. Секрет популярности во всём прогрессивном мире заключался в том, что немецкие писатели принадлежат народу, позволившему себя увлечь на путь агрессии. Вольно или невольно, но даже немецкие антифашисты чувствовали огромную вину и ответственность перед всем человечеством за развязанную гитлеровцами войну. К тому же они ясно осознавали, в какой степени пропаганда пацифистских идей может хотя бы отчасти компенсировать ту плату, которую заплатил народ Германии за неисчислимы бедствия и страдания. Не являлся исключением и Ремарк.

Но если отвлечься от пристального внимания к датам и населённым пунктам и ассоциативно перенестись в область предполагаемого, то герои Ремарка оказывались в

ином положении, нежели у Хемингуэя. Настало время в нашей статье поговорить и о разнице во взглядах. Так, первое по хронологии произведение Ремарка – «На западном фронте без перемен» принадлежит к лучшим образцам немецкой военной прозы. Роман принёс ему шумный успех. Но когда автор затронул судьбу отдельных представителей «потерянного поколения», то стал очевидным индивидуальный почерк письма. У Ремарка реалистическая струя (стихия Хемингуэя) ощущается только в нагромождении ужасов войны. Но частое повторение аналогичных сцен не только утомляет читателя; они доказывают уже не реалистическую, а экзистенциальную тональность мышления писателя. Конечно, Ремарк в названном романе запечатлел не только свой личный опыт. Он несёт ясные приметы того времени, когда был написан. Поэтому автор отчётливо противопоставляет себя реакционным немецким писателям не только идейно, но и методом изображения фронтовой и окопной жизни. Его интересует не парадная внешность войны, но именно поведение и психология солдат, людей, оказавшихся на фронте, вынужденных убивать и умирать, осознавая бессмысленность происходящего, освобождаться от внедренных воспитанием и традицией псевдопатриотических представлений.

Вместе с тем, как только мы знакомимся с главными героями, то заметно острое и болезненное восприятие всего сущего на земле. Персонажи словно живут в своём собственном мире, откуда экзистенциально им очень сложно выбраться. Они не только теряют своих родных, как у Хемингуэя, но и случайно оказавшись в реальной обстановке, не верят своим глазам и ушам, не отождествляют себя с земным существованием.

Так, тема «потерянного поколения» приобретает у Ремарка специфический оттенок, отличный от мировидения героев статей или романов Хемингуэя. Отсюда боль, частые жалобы, отсутствие умиротворения, пессимизм, частые кражи обыденных бытовых вещей, попытки суицида. Например, главный герой Пауль, случайно оказавшийся на гражданке, не верит в то, что стоит у себя дома перед матерью и сестрой. Всё окрашено в экзистенциальные тона. Яркий представитель «потерянного поколения» на самом деле всеми покинут, причём, даже тогда, когда он находится в своём родном доме. Реальности словно и не существует. Ремарк пишет: «Я всё никак не могу отделаться от мысли о какой-то здесь скованности. Не свыкнушь никак с окружающим. Вот мать стоит моя, а вот сестра, а я их как будто и не вижу. Между нами словно выросла непроницаемая завеса» (6,112). Всё это, как мы понимаем, есть результат печальной разбалансированности характера, изувеченности человеческих сердец. И эта линия чётко просматривается в романе. Таким образом, вернуться в лоно нормальной жизни рядовых солдат из «потерянного поколения» у Ремарка принципиально невозможно.

Между тем, названный роман – суровый протест художника, направленный непосредственно против войны. Но он же стал по существу первой пробой пера и источником творческих открытий. С другой стороны, в отличие от сочинений Хемингуэя, в суровые будни войны живой струёй врывается тонкий лиризм. Ремарк был мастером этого искусства. Автор открыто призывает здесь к человеколюбию, доверию человека к человеку, товариществу. Этому есть простое объяснение. Любовь Ремарк противопоставляет бесчеловечности современной буржуазной цивилизации. Социализация военного материала достигает в его романе своего апогея.

В то же самое время Ремарк в разработке интересующей нас теме несколько уступает Хемингуэю, пытаясь передать подлинную правду о войне. Это для него камень преткновения, и не только в этом романе. При всей ненависти Ремарка к милитаризму в его романе была далеко не полная правда о войне. Герои Ремарка, хотя они прошли ту же школу жизни, что и герои Хемингуэя, остались в пределах привычного для них социального мироощущения. У немецкого писателя главные действующие лица не столь-

ко борцы, сколько жертвы, поэтому такой обреченностью и печалью, к сожалению, веяло от книги – «На западном фронте без перемен». Повторим, болезненность, питающаяся экзистенциальными мотивами, воочию давала о себе знать. Их было мало в творчестве Хемингуэя, несмотря на ведущую тему «потерянного поколения», когда были сломлены судьбы многих людей, вернувшихся с войны и потерявших кров. Европейские критики, исследовавшие творчество Ремарка, по праву верно отмечали, что его «военный реализм» был практически лишён перспективы исторического развития. Этот реализм, увы, был односторонним и в известной степени неполноценным.

Литература

1. Бакуменко М. Сокровища в огне войны. Минск: Минский государственный университет, 1990, 193 с.
2. Баранов В.И., Бочаров А.Г., Суровцев Ю.И. Литературно-художественная критика. М.: Художественная литература, 1982, 304 с.
3. Барахов В.С. Искусство литературного портрета. М.: Художественная литература, 1976, 202 с.
4. Великая Отечественная война в диссертационных исследованиях. Библиографический указатель диссертаций. М.: АН СССР, 1985, 336 с.
5. Кашкин И. Эрнест Хемингуэй. В книге: Э. Хемингуэй. Избранные произведения. В 2-х томах. Т. 1. М.: Художественная литература, 1959, с. 3-38.
6. Ремарк Э.М. На западном фронте без перемен. Три товарища. Романы. М.: Правда, 1985, 574 с.
7. Хемингуэй Э. Избранные произведения. В 2-х томах. Т. 2. М.: Художественная литература, 1959, 655 с.
8. Musayev A. Böyük yazıçı və gözəl insan. «Bakı» qəzeti, 19 iyul, 1969, 16 s.

Z.V.Əhmədov

E.Heminquey və E.Remarkın yaradıcılığında "İtirilmiş nəsil" mövzusunda fərdi yanaşmaların spesifikliyi *Xülasə*

Bu məqalə açıq-aşkar tarixi-ədəbi və etik-kulturoloji xarakter daşıyır. Müəllifin qarşıya qoyduğu məqsədlə - iki görkəmli yazıçının - E. Heminquey və E. Remarkın xüsusi seçilmiş mövzu üzrə yaradıcılığının müqayisəli təhlilini aparmaqla əlaqədar olaraq, bütün əsəri aydın şəkildə iki hissəyə bölmək olar. Birincisi, ümumi zəmin axtarışdır; ikincisi, amerikan və alman yazıçılarının "İtirilmiş nəsil" mövzusunda subyektiv yanaşması arasında sərhəd xətti çəkildi. Sübut məqsədi ilə Heminqueyin jurnalistikasından və romançılığından, digər tərəfdən Remarkın "Qərb cəbhəsində hər şey sakit" əsərlərindən konkret faktlar verilir. Tematik körpülərin qurulması və əks baxışlar iki yazıçının müxtəlif ədəbi cərəyanların - Heminqueyin təmsalında ştatlarda ənənəvi şərh olunan realizmin və Remarkın ekzistensializminin tərəfdarı və müdafiəçisi olduğunu söyləməyə əsas verir. Məhz buna görə də amerikalı yazıçıda "İtirilmiş nəsil" mövzusu itirilmiş ideal üçün ağırlı həsrət çalarları alır. Almanda isə demək olar ki, ümitsiz pessimizm, əvvəlki həyata tam qayıtmamaq kimi kəskin ağırlı bir hissə var.

Z.V.Ahmadov

The specificity of individual approaches to the theme of "The Lost Generation" in the work of E. Hemingway and E. Remarque *Summary*

This article has a pronounced historical-literary and ethical-culturological character. In connection with the goal set by the author - to conduct a comparative analysis of the work of two prominent writers - E. Hemingway and E. Remarque on a specifically chosen topic, the entire work can be clearly divided into two parts. The first is a search for common ground; secondly, a line of demarcation was drawn between the subjective approach of American and German writers to the

theme of The Lost Generation. For the purposes of evidence, specific facts are given from Hemingway's journalism and novelism, on the one hand, Remarque's works "All Quiet on the Western Front" - on the other. Building thematic bridges and opposing views give grounds to assert that the two writers were supporters and defenders of various literary trends - traditionally interpreted realism in the States in the person of Hemingway and Remarque's existentialism. That is why the theme of "The Lost Generation" in the American writer acquires a shade of aching longing for the lost ideal. And the German one has an acutely painful feeling of almost hopeless pessimism, a complete non-return to the former life.

Рецензент: к.филол.н., доц. Д.З.Гаджиева

Redaksiyaya daxil olub: 28.04.2022